

Михаил  
Арцыбашев

ЖЕНЩИНА,  
СТОЯЩАЯ  
ПОСРЕДИ

T8 RUGRAM

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
А88

**Арцыбашев, М.П.**

А88      Женщина, стоящая посреди / М.П. Арцыбашев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 182 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72628-3

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Михаила Петровича Арцыбашева «Женщина, стоящая посреди».

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
ВІС FС  
BISAC FIC000000

## СОДЕРЖАНИЕ

---

|            |     |
|------------|-----|
| I.....     | 7   |
| II.....    | 18  |
| III.....   | 23  |
| IV.....    | 26  |
| V.....     | 37  |
| VI.....    | 41  |
| VII.....   | 45  |
| VIII.....  | 48  |
| IX.....    | 52  |
| X.....     | 60  |
| XI.....    | 68  |
| XII.....   | 72  |
| XIII.....  | 79  |
| XIV.....   | 89  |
| XV.....    | 96  |
| XVI.....   | 103 |
| XVII.....  | 110 |
| XVIII..... | 118 |
| XIX.....   | 135 |
| XX.....    | 141 |
| XXI.....   | 148 |
| XXII.....  | 155 |
| XXIII..... | 166 |
| XXIV.....  | 171 |



*Тут книжники и фарисеи  
привели к Нему женщину, взятую в  
прелюбодеянии.*

*.....*

*Они же, услышавши то и будучи  
уличаемы совестью, стали уходить  
один за другим, начиная от старших  
до последних, и остался один Иисус и  
женщина, стоящая посреди.*

*Иисус, восклонившись и не видя  
никого, кроме женщины, сказал ей:  
женщина! где твои обвинители?*

**Иоанн VIII**



Ночь была лунная, светлая. На горе трава казалась белой, а деревья серебряными и курчавыми от росы. За крутым обрывом, далеко внизу, освещенные луною, стояли серые туманы в лугах. В черном небе висели крупные горящие звезды. От невидимой реки тянуло сыростью и болотными травами. Лягушки неумолчно, на тысячу голосов, кричали в болотах, и казалось, что все они там сошли с ума от радости.

Нина подошла к самому краю обрыва и перегнулась над ним, высоко подобрав платье. В лунном свете, окруженная звездным пространством, девушка казалась легкой, как птица перед полетом.

— Ух, как высоко! — сказала она, засмеялась и пугливо отошла подальше от предательской бездны, круто уходящей вниз среди повисших кустов.

Луганович посмотрел на ее бледное от луны лицо, с чересчур большими, точно нарисованными, глазами, и досадливо пожал плечами.

— Вы еще совсем ребенок, Нина! С вами нельзя говорить серьезно! — сказал он, и по голосу было слышно, что он злится той особенной нервной злостью, которую вызывает неудовлетворенное желание.

Нина чутко уловила сердитую нотку, сделала серьезное лицо и смиренно уселась рядом на широкий пенек давно срубленного старого дерева.

— Прежде тут был большой дубовый лес... Сколько было птиц, цветов, если бы вы знали!.. Его мужики вырубili, и в прошлом году одни кусты оставались, а теперь уже опять целые деревья... Как быстро растет все!.. — проговорила девушка, засунув руки в кармашки своей светлой кофточки и глядя кругом такими глазами, точно для нее и невесть какая радость была в том, что все так быстро растет.

Луганович с досадой отшвырнул папиросу. Красный огонек описал в воздухе блестящую дугу, ударился об ветки куста и, рассыпавшись золотыми искорками, тихо погас за обрывом.

Нина робко оглянулась.

— Вы на меня сердитесь?.. — тихо спросила она.

Голосок ее прозвучал так по-детски чисто, что студенту стало стыдно. Он начал придумывать, что бы такое хорошее, нежное сказать ей, но ничего не придумал. Назойливо и мучительно было в нем одно желание, сводившее его с ума. Уже давно Луганович не мог ни о чем другом говорить с нею. Немеркнувшее представление о ее теле, таком близком и недоступном, неотвязно стояло у него в мозгу, и порою он готов был силой взять девушку. Это было невыносимо, и временами Луганович просто ненавидел Нину. Каждое ее слово раздражало его.

Лягушки, не умолкая, звенели на реке, как будто наперебой спешили рассказать всему свету о чем-то чрезвычайно важном, случившемся этой светлой теплой ночью.

— И когда они спят?.. — как бы про себя, задумчиво прошептала Нина, и глаза у нее стали грустными.

— А черт их знает!.. — внезапно сорвался Луганович, который как раз собрался с духом заговорить о том, что его мучило.

Прерванный на полуслове, он с досадой выдернул молодой побег, проросший из старого пня, злобно скрутил его и бросил.

Нина опять удивленно и даже испуганно оглянулась на него. При луне ее глаза странно и загадочно блестели. Ей было не столько обидно, сколько непонятно: бессознательно девушка чувствовала причину его раздражения, но душа ее оставалась чуждой этому темному чувству.

Луганович смотрел в сторону и судорожно потирал пальцы.

С минуту Нина неподвижно искоса наблюдала за ним, потом что-то нежно-лукавое мелькнуло у нее в глазах.

— Ну, не сердитесь!.. — сказала она и дотронулась до его локтя своими тонкими осторожными пальцами.

— Не могу я не сердиться!.. — хрипло, еле сдерживая безумное раздражение, возразил Луганович.

— Но чего же вы хотите от меня?.. — спросила Нина, и тоска прозвучала в ее голосе. — Ну, хорошо... я...

Она хотела сказать, что согласна на все, и на одно мгновение ей показалось, что это действительно так просто и легко. Ему это нужно, ну и пусть делает с нею, что хочет!.. Но сейчас же все существо ее содрогнулось от стыда и отвращения, сердце упало и голос сорвался.

Луганович быстро оглянулся. Мимо, прямо на луну, широко открытые и печальные, с покорной тоской смотрели

большие темные глаза. Нина молчала и не мигая глядела на круглый светлый диск, стоявший посреди озаренного неба.

Лягушки звенели, как зачарованные. Луна, большая и холодная, торчала прямо над соседней горой, и длинные полосы света тянулись от нее вниз, в чашу оврага. Туманы на лугах ткались колдовски и призрачно. Внизу, в глубокой балке, настойчиво пищала какая-то злая ночная птица, должно быть, маленькая совка.

Не дождавшись последнего слова, в ожидании которого замерло все тело и пересохло во рту, Луганович тяжело вздохнул и закурил новую папиросу. Ощущение тягостного бессилия и даже уныние какое-то охватили его.

Вдруг послышался дрожащий от сдержанных слез голос:

— Я знаю!.. — проговорила Нина.

— Что?.. — вздрогнув, как пойманный, спросил Луганович.

Но девушка опять не договорила и по-прежнему смотрела мимо него, на луну. Лугановичу показалось, что глаза ее полны слез.

— Что вы знаете?.. — переспросил он, испугавшись, что девушка опять замолчит.

— Чего вы хотите... — упавшим голосом, неподвижно глядя перед собою, но вряд ли видя даже эту светлую луну, закончила Нина.

— Знаете?..

— Знаю... — повторила девушка без всякого выражения, словно неживая.

— А если знаете, так зачем же мучаете и себя и меня?

— Чем я вас мучаю?.. — еще тише, с непонятным укором, спросила Нина.